

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИМУНУТИВОВ

Негматова Навруза Нодировна*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского государственного педагогического института***Давронова Шахноза Мехриддиновна***Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического института*

Аннотация: *Статья посвящена комплексному исследованию диминутивности как многогранной лингвистической категории. Анализирует переход от денотативного значения «малости» к коннотативным пластам мелиоративности и пейоративности. Рассматриваются когнитивные механизмы формирования уменьшительности и их реализация в ткани художественного текста.*

Ключевые слова: *диминутив, субъективная оценка, семантическая деривация, прагматика, экспрессивность, языковая картина мира.*

Abstract: *The article is devoted to a comprehensive study of diminutivity as a multifaceted linguistic category. The author analyzes the transition from the denotative meaning of “smallness” to the connotative layers of meliorativity and pejorativity. The cognitive mechanisms of the formation of diminutiveness and their implementation in the fabric of a literary text are considered.*

Keywords: *diminutive, subjective assessment, semantic derivation, pragmatics, expressiveness, linguistic picture of the world.*

Диминутивность традиционно воспринимается как морфологическая категория, однако её истинная природа лежит в плоскости антропоцентризма. Человек, измеряя мир «по себе», неизбежно делит объекты на соразмерные, угрожающе огромные и умилительно малые. Однако в языке категория уменьшительности давно вышла за пределы линейных измерений. Диминутив — это не просто «маленький предмет», это предмет, прошедший через фильтр человеческой эмоции. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления диминутивов не как декоративных элементов речи, а как мощных инструментов модальности, способных радикально менять регистр общения и дистанцию между субъектами. В основе диминутивности лежит первичный концепт «ребенок». Как отмечает в своих работах польская лингвистка А. Вежбицкая, семантика уменьшительности неразрывно связана с концептуальной зоной «хорошего» и «близкого». Происходит когнитивный перенос:

малый размер ассоциируется с незащищенностью, что порождает потребность в опеке и, как следствие, вызывает нежность. Однако здесь кроется парадокс. Диминутив может служить и инструментом деградации объекта. Называя нечто «идейкой» или «статейкой», субъект намеренно лишает объект значимости, переводя его в разряд ничтожного. Таким образом, категория диминутивности представляет собой шкалу, на одном полюсе которой находится максимальная близость и ласка, а на другом — презрение и социальное дистанцирование. Исследовательница В. Н. Телия подчеркивала, что культурный код, заложенный в уменьшительных суффиксах, отражает специфику национального самосознания. В славянской традиции избыточность диминутивов часто интерпретируется как стремление к «одомашненному» пространству, где даже суровые стихии (морозец, дождик) наделяются чертами живых, почти родственных существ¹⁵.

В литературе диминутив выполняет роль оптического прицела. Обратимся к художественному пересказу образов из классической прозы. Представьте героя, который входит в заброшенный сад. Автор не просто говорит о «цветах», он описывает «цветики», пробивающиеся сквозь сорняк. Здесь суффикс работает как метафора надежды: в огромном, враждебном мире маленькое живое начало требует сочувствия читателя. Литературный критик М. Бахтин указывал на «фамильярно-площадное» начало в языке, и диминутив здесь играет двойную роль. С одной стороны, он создает атмосферу доверительности, с другой — может выступать элементом иронии. Когда в сатирическом произведении чиновник рассуждает о своих «делишках», мы понимаем, что за этой уменьшительностью скрывается масштабная коррупция, которую герой пытается психологически «минимизировать», сделать невидимой для правосудия¹⁶.

Функционирование диминутивов в диалоге подчинено стратегии вежливости или манипуляции. Используя форму «чаек» вместо «чай», говорящий не просто предлагает напиток, он предлагает уют, сокращая социальную дистанцию. Это «лингвистическое поглаживание», направленное на снятие агрессии. С другой стороны, существует феномен «инфантилизации» адресата. В медицинском или сервисном дискурсе («откройте ротик», «подпишите бумажку») диминутив может подавлять волю субъекта, превращая его в пассивного ребенка, не способного на протест. Это доказывает, что диминутивность — это категория власти в той же степени, что и категория любви. Как указывала в своих трудах Е. М. Вольф, семантика оценки не является чем-то внешним по отношению к слову; она вплетена в его структуру.

¹⁵ Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М.: Русские словари, 1999. — С. 54–58.

¹⁶ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1990. — С. 114–116.

Диминутив — это не «объективный микроскоп», это «субъективное зеркало». Вольф подчеркивала, что оценка в диминутиве всегда антропоцентрична¹⁷. Когда мы говорим «солнышко», мы не констатируем уменьшение размеров небесного светила (что было бы абсурдом), мы выражаем свое отношение к нему как к источнику блага. Здесь происходит разрыв между денотатом (реальным объектом) и коннотацией (нашим чувством). Диминутив выступает как интенсификатор положительной модальности.

Однако лингвистическая природа уменьшительности коварна. В. В. Виноградов в своем фундаментальном труде «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» обращал внимание на морфологическую гибкость русской суффиксации. Он отмечал, что суффиксы -ик-, -ок-, -ец- могут нести в себе заряд иронии, если они входят в диссонанс с контекстом. Виноградов видел в диминутиве средство «стилистического варьирования», позволяющее автору дистанцироваться от описываемого предмета, придать ему оттенок игрушечности, несерьезности. Рассмотрим, как эти теоретические выкладки оживают в литературе. Представьте классический сюжет о «маленьком человеке». В его тесной комнатке всё подчеркнуто уменьшительно: не стол, а столик, не кровать, а кроватка, не чайник, а чайничек. Это не просто описание интерьера — это художественный пересказ его внутренней сжатости, его страха перед большим, «взрослым» миром Петербурга. Здесь диминутив работает как защитный механизм. Герой пытается «одомашнить» пространство, сделать его безопасным. Но в глазах стороннего наблюдателя (или автора-ироника) эти же слова превращаются в маркеры никчемности. Когда чиновник в дверях департамента робко перебирает свои «бумажки», он сам превращается в «документ малого значения». Суффикс здесь — это не ласка, это клеймо социальной незначительности. Диминутив — это всегда сигнал о сокращении дистанции. В русском коммуникативном поведении использование уменьшительных форм часто маркирует границу между «своими» и «чужими». Идеи Падучевой применительно к диминутивам, можно сказать, что слово «денежки» звучит гораздо интимнее и менее официально, чем «деньги». Оно подразумевает некую легкость обращения с ресурсом или, напротив, бережное, почти сакральное отношение к малому достатку. Диминутив снимает официальность, переводя коммуникацию в регистр доверительного (иногда фальшиво доверительного) общения.

В художественном тексте диминутив может использоваться для передачи категории времени. «Минутка», «денек», «часок» — эти формы создают иллюзию быстротечности или, наоборот, уютного затишья. Автор, описывая, как герой «присел

¹⁷ Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. — С. 142.

на дорожку на минутку», погружает читателя в состояние переходности, где время теряет свою линейную жесткость и становится пластичным, почти осязаемым. Критик М. Бахтин, анализируя хронотоп, мог бы интерпретировать такие формы как попытку героя «вписаться» в малый круг бытия, противопоставив его большому, эпическому времени истории. Диминутив здесь — это убежище, где человек может спрятаться от бурь большого мира в тени своих «малых дел».

Проблема перевода диминутивов — это не техническая, а мировоззренческая задача. Как отмечает А. Вежбицкая, русская языковая картина мира избыточно «диминутивна» по сравнению с англосаксонской. В английском языке суффиксы *-ette* или *-y/-ie* (*doggy, kitty*) жестко ограничены сферой детской речи или интимного общения. В русском же «чайковский» или «дорожка» могут звучать в устах сурового бородатого мужчины, не вызывая социального диссонанса. Вежбицкая интерпретирует это как специфическую славянскую потребность в «эмоциональном тепле». Если английский язык стремится к объективности и дистанции (*privacy*), то русский язык через диминутив стремится к «соборности» — сокращению дистанции, превращению чужого пространства в свое, «одомашненное». Художественный пересказ этой идеи можно встретить в мемуарной прозе эмигрантов: герой, попадая в стерильный, правильный мир Запада, мучительно тоскует по «хлебушку» и «березкам», потому что без этих суффиксов предметы кажутся ему холодными, лишенными души и истории.

Нельзя игнорировать и деструктивный потенциал уменьшительности. В работах косвенно затрагивается тема иронического переосмысления оценки. Диминутив может стать формой «вежливого оскорбления». Когда критик называет роман «романчиком», а идеи автора — «идейками», он не указывает на их физический размер. Он совершает акт лингвистического обесценивания.

В художественном тексте это часто используется для создания образа деспота-лицемера. Представьте персонажа, который с ласковой улыбкой говорит жертве: «Ну что, голубчик, пора платить по счетикам?». Здесь уменьшительные формы работают как контрапункт к жестокости ситуации. Диминутив лишает жертву серьезности, превращает страдание в фарс, в «маленькое приключение», тем самым усиливая психологическое давление. Это «уменьшительность палача», которая страшнее прямого крика.

Современный дискурс (соцсети, мессенджеры) породил новый всплеск диминутивности. Понятие «мимимишности» — это современная реинкарнация того, о чем писал М. Бахтин в контексте карнавальная культуры. Это попытка эстетизировать повседневность, сделать её «безопасной» в условиях глобального стресса. «Завтрачок», «кофеек», «постик» — эти формы служат лингвистическим транквилизатором. Однако

критики отмечают и обратный процесс — инфантилизацию сознания. Если мир вокруг состоит только из «проектиков» и «встречек», из него уходит пафос ответственности, масштаб исторического действия. Диминутив в цифровую эпоху становится средством когнитивной разгрузки: маленькое легче переварить, чем большое¹⁸.

Диминутивность — это не морфологический аппендикс, а фундаментальный способ освоения реальности человеком.

- Антропоцентризм: Мы уменьшаем мир, чтобы он перестал нас пугать.
- Модальность: Диминутив — это всегда диалог между «Я» и «Объектом», где суффикс выполняет роль эмоционального моста.
- Амбивалентность: Категория способна как на предельную нежность, так и на уничтожающий сарказм.

Как подчеркивали классики лингвистики от Виноградова до Вежбицкой, через «малое» слово мы транслируем «большие» смыслы нашей культуры. Диминутив остается живым нервом языка, чутко реагирующим на изменения в социальной дистанции и ценностных ориентирах общества. Изучение этой категории позволяет нам не просто анализировать структуру речи, но и заглядывать в тайники национальной психологии, где за маленьким «цветочком» всегда скрывается огромная потребность человека в любви, признании или, напротив, в защите своего хрупкого мира от внешнего хаоса.

Список использованной литературы:

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М.: Русские словари, 1999.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1990.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985.
6. Падучева Е. В. Прагматические аспекты семантики слова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1982. — Т. 41. — № 4.

¹⁸ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1990. — С. 114–116.